

Гай Юлий Орловский

Рыц@рыц

Длинные Руки —
Властелин
Багровой Звезды Зла

Annotation

Наконец-то лавина закованных в стальные доспехи коней с грохотом копыт понеслась по земле страшного и чудовищно опасного Юга, проклятой страны магов, колдунов, волшебников и прочих чародеев, извечных врагов Святой Церкви.

Рыцари армии крестоносцев, опустив забрала, всматриваются на скаку в призрачные замки, где много добычи, где слава, богатство, титулы, роскошные женщины...

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки — Властелин Багровой
Звезды Зла

© Орловский Г.Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В тени деревьев рыцари и простые воины, потрясенные случившимся, ошалевшие, переводят дух, с трудом понимая и все еще не до конца веря, что да, победили.

Земля медленно впитывает пролитую кровь, на листьях травы страшно и зловеще блестят в лучах яркого солнца красные капли, медленно и тяжело сползая по сочным стеблям.

С металлическим грохотом, словно шагающая башня, приблизился сэра Растер, доспехи в два пальца толщиной, никакой топор не прорубит, сам в железе от шеи и до подошв, только шлем величаво покоится на сгибе левой руки, открывая квадратную глыбу головы.

— Сэр Ричард, — проревел он, — мы же доблестно погибли в кровавом бою на радость бардам и менестрелям? Значит, в рай?.. а если недоблестно, то в ад?

Я смотрел с нежностью, он весь как из древнего камня, особо прочного, если верить слухам, в старину все было лучше, голова почти квадратная глыба, узкие щели глаз между массивными надбровными валами и высокими скулами, грубый нос, грубые губы и тяжелый подбородок, сэра Растер рожден для подвигов, даже не представляю его с арфой в раю.

— Ну-ну, — подбодрил я, — а что беспокоит?

Он громыхнул тяжело:

— Но ведь погибли же?.. Но что-то не помню рая... интересно, в самом деле там все... поют хвалу Господу? А то у меня голос не очень... да и ада не увидел... Слышал еще, есть какое-то чистилище, вроде большой конюшни...

Я вскинул ладонь, останавливая такие же тяжелые размышлизмы, как и он сам.

— Дорогой друг, никто из нас не погиб. По-настоящему. Раньше вообще считали, что если человек перестал дышать, то уже мертв! Даже зеркальце прикладывали, смотрели, запотело ли... Представляете, сердце еще бьется, а человека считают мертвым! Ну не дурь ли?.. Потом люди поумнели, начали щупать сердце и ждать, когда перестанет биться.

Он кивнул.

— Да, это точнее. Но я чувствовал, как сердце перестает стучать!.. Потом все в глазах потемнело.

— И это еще не все, — сказал я бодро. — Утопленника можно вытащить и откачать, если утоп недавно, верно?.. И не дышит, и сердце не бьется! Так и с павшими. И дыхания уже нет, и сердце перестало биться, но мозг живет!.. И будет жить даже не знаю сколько. Может, десять минут, может, час, я не такой уж и лекарь, точно не знаю. И потому душа еще там сидит до-о-олго. Священники говорят, девять дней, но это загибают... В общем, никто из вас не умер...

— До конца?

— Вот-вот, — сказал я, — сэра Растер, вы мудер, как бобр!.. Крупный такой, как на знамени королевства Убелунгия. Сказано очень точно, словно рубанули своей неустрашимой секирой. А раз не умерли до конца, то какой рай, какой ад?.. Так что вас не воскрешали, а просто излечили... Соберите грехов побольше для следующего раза.

Он повеселел, расправил могучие плечи, в глазах заплясали грозы.

— Это да, — рыкнул он довольно, — это по-нашему!.. Спасибо за разъяснение, сэра Ричард. Удивительно, как много знаете. Нам повезло, что у нас такой вождь. Сразу от сердца отлегло. Ну, я пошел!

— Берегите себя, — велел я. — Маркус все еще опасен, а ваша мощь и отвага востребованы, сэра Растер!

Хрен он себя побережет, подумал я, глядя в его удаляющуюся спину, широкую, как ворота в замок. Для него позор и стыд, если кто-то опередит в бою.

Альбрехт в сторонке раздаёт указания своим вассалам, все еще доверяет им больше, перехватил мой взгляд, тут же направился ко мне четкими шагами военного человека.

Доспехи сверкают, хотя придется поменять из-за глубоких зарубок, барон Альбрехт, теперь уже граф, отъявленный перфекционист, у него все должно быть самое лучшее, от перьев на щегольском шлеме до новеньких сапог.

Я ощутил на себе холодный взгляд его серых глаз, ясных и серьезных, недюжинный ум Альбрехта и умение быстро мыслить не теряются даже в пылу жарких схваток.

— Граф, рад вас видеть... Кстати, выигранную битву нужно, как это принято, отметить.

Он произнес ровным голосом:

— По методу сэра Растера?

— Не совсем...

— Уже отметили, — напомнил он, — когда спасли наши королевства. Да и чужие тоже. Здравствуйтесь, сэра Ричард.

Мне показалось, что хотел произнести «ваше величество», после победы над филигонами я, понятно, еще величественнее.

— Да, — согласился я, — но заметнее будет, если просыплется дождь из титулов и земель. Да, земель тоже. Так принято.

— Справедливое, — уточнил он, — перераспределение за счет тех, кто не явился на великую битву?

— Да...

От большой группы воинов донесся довольный рев. Слышно было, как, покрывая весь шум, загрохотал могучий голос сэра Растера, довольный, как у боевого коня, которому высыпали в кормушку целый мешок отборного овса:

— Теперь пир!.. Как же люблю такую жизнь, когда красивый бой, а потом красивый пир!

Альбрехт сказал тихонько:

— Любитель прекрасного, оказывается, наш сэра Растер. И возвышенного.

— Да, — пробормотал я, — пир... здесь и сейчас...

Он спросил еще тише:

— Что-то не так?

Я старался держать лицо радостным и исполненным если не величия, это пока получается хреново, то хотя бы уверенности. Вождь должен излучать уверенность, как бы ни чувствовал себя на самом деле, но Альбрехта так просто не обманешь, взгляд его серых глаз цвета закаленной стали всегда прям и проникает глубоко.

— Что не так? — повторил он. — Мы же спасли мир!

— И сделали его другим, — ответил я. — Хотя бы потому, что многие короли ушли в глубокие пещеры. Только через недели или месяцы начнут разбирать завалы и пробиваться на поверхность...

Его взгляд стал строже, а лицо потвердело.

— Ах да...

— Вот-вот.

— Трона им не видать, — уточнил он, — как своих ушей? Их дворцы и королевства захватят те, кого не взяли с собой, оставив на неминуемую гибель?

Я сказал быстрым шепотом:

— Потому надо ковать железо, пока горячо. Вы не забыли послание от императора Германа, что передала его личная доверенная?

Его глаза сузились, взгляд стал острым, как наконечник стрелы.

— Опасаетесь вторжения? Но разве теперь не готовы дать ему бой?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Но сейчас император, как и вообще все короли Юга, явно в своей норе!.. Да поглубже, поглубже. И будут там сидеть долго, пережидая, пока Маркус закончит перепахивать землю.

Он подумал, кивнул.

— И что вы задумали?

Я оглянулся по сторонам, сказал совсем тихо:

— Есть идея. Сумасшедшая, правда. Но разве мы не сумасшедшие?.. А что, если... вдрут найдем способ добраться до Юга достаточно быстро? Всей этой армией?

Он отшатнулся.

— Тьфу-тьфу, даже слушать такое страшно.

— Но если получится, — сказал я настойчиво, — какой выигрыш!.. Мы сможем взять всю южную империю без единого убитого!.. С нашей стороны, естественно, чужие потери не в счет. Полагаете, император один ушел в пещеры? Наверняка с ним те, с кем надеется восстанавливать империю: королевские войска, военачальники, советники, жены и дети... Представляете?

Альбрехт, судя по напряженному лицу, обдумывал так и эдак, наконец пробормотал:

— Добыча просто невероятная... если, конечно, успеть до того момента, как полезут из нор. Можно сразу поставить стражу. Как только начинают вылезать — по голове дубиной и — обратно в яму!.. Нечего тут лазить, разлазились... Но, сэра Ричард... как?

— Маркус, — повторил я.

Он отступил на шаг.

— Ваше величество... это такая шутка? Маркус провалился сквозь землю, все видели.

— Надо проверить одну идею, — прошептал я азартно. — Эй вы, двое! Из отряда сэра Дарабоса? Отлично. Отыщите коней себе и сэру Альбрехту!.. Вам доверяю сопровождать мою императорскую особу.

Альбрехт буркнул:

— Императорская была до битвы с филигонами... А сейчас даже и не знаю...

Среди веселящихся военачальников Палант посмотрел поверх голов в нашу сторону, мы что-то очень серьезные среди такого ликования, раздвинул друзей и пошел к нам быстрыми шагами, весь в страшно изрубленных доспехах, без шлема, со слипшимися от уже засохшей крови волосами.

— Сэр Ричард, — сказал он почтительно, — сэра Альбрехт... Что-то случилось? Располагайте мною!

Я сказал все еще тяжелым голосом, но постарался, чтобы для Паланта он звучал победно:

— Мы сокрушили самого чудовищного противника в мире!.. Но сейчас в мире такое... Так что армию после великой победы по домам, всем по большому прянику, а горстка останется завершать.

Альбрехт молчал, а Палант осторожно поинтересовался:

— Ваше величество... а что завершать?

— Начатое, — ответил я лаконично. — Или кажется, что уже все?

Он сказал с поспешностью:

— Нет, ваше величество! Сплю и вижу, как прилетит что-то еще страшнее! Так понравилось, когда меня убивают...

— Ну вот, — одобрил я, — значит, отдыхать не тянет, жаждется снова обагрить меч и услышать крики мертвецов?.. Сэр Альбрехт, запишите нашего беззаветно отважного сэра Паланта в передовой отряд десанта. Он будет счастлив столкнуться с превосходящими силами противника... Кто еще?.. А-а-а, сэр Гевекс, вижу, вижу!.. Вы даже побледнели от ужаса, что не замечу ваш пыл и жажду красиво умереть на поле брани. Еще раз умереть как-нибудь страшнее, чем в прошлый...

— Мы должны превосходить отцов своих, — подтвердил сэр Альбрехт голосом Растера, даже интонации скопировал, — и самих себя. А пока отдыхайте, сэр Палант, битвы еще предстоят, вы же знаете, под чье знамя встали!

Палант послушно вернулся к веселящимся друзьям, а мы прошли пешком почти милю, прежде чем нас догнал стук конских копыт. Испуганных коней, как понимаю, пришлось искать и ловить достаточно долго.

Альбрехту передали повод крупного жеребца в яблоках, а я свистнул, через мгновение от лагеря в нашу сторону понеслись две черные точки, что почти мгновенно превратились в Зайчика и Бобика, огромных и полных свирепой мощи.

Бобик попытался лизнуть меня в лицо, я отпихнулся.

— Брысь, предатель... От тебя Боудерией пахнет. Опять чесала и гладила?

Арбогастр фыркнул, подтверждая, что да, хотя собаки не предают, но какая из Бобика собака, какой-то пес непонятный и безродный.

Я поднялся в седло, колени ощутили жар и могучие мышцы этого зверя. Люблю чувство свирепой мощи, любителям держать хомячка в клеточке не понять лошадника.

Бобик ринулся вперед, конь Альбрехта идет рядом с арбогастром, но когда вдали наметился обрыв, мы видели, как Бобик там затормозил всеми четырьмя и резко остановился.

Не представляю, что чувствует Альбрехт, если даже у меня не просто беспокойно, а настоящий липкий страх в груди. Наконец он натянул повод и с тревогой посмотрел в мою сторону.

Не просто обрыв, а зеркально гладкая стена уходит далеко в стороны, загибается вперед и смыкается с такой же за несколько миль от нас.

Чудовищно широкий котлован, дна не видно, а послать коня к самому краю, чтобы заглянуть и увидеть дно, что-то не тянет.

Я тайком поскреб ногтем среднего пальца середину ладони, там в глубине запульсировало в ответ нечто теплое. Альбрехт помалкивает, ждет, лицо бесстрастное, но я тоже за несколько лет присмотрелся к нему и отчетливо вижу тщательно скрываемый испуг, которого не замечают другие.

Оба разведчика на легких конях вроде бы невзначай и очень деликатно, но постарались вклиниться между нами и опасным обрывом.

Бобик подошел к самому краю и, свесив голову, с интересом засмотрелся вниз.

— Скачите в лагерь, — велел я разведчикам. — Если там увидят что-то необычное

здесь, передайте мой настоятельный приказ продолжать победный отдых!..

— У его величества, — уточнил Альбрехт, — все под контролем. Как обычно, хотя и не часто.

Один тут же повернул коня, второй сказал с беспокойством:

— Ваше величество, вам бы отодвинуться от края... Вдруг земля под копытами обвалится?.. Ваш конь... он тяжеловат.

— Ты прав, — ответил я коротко и заставил арбогастра попятиться от опасного обрыва. — А теперь скачите оба!.. Бобик, отойди, морда ушастая.

Альбрехт тоже отступил вместе с Бобиком, поглядывает с тревогой, а я сосредоточился на мысленном приказе этому таинственному Маркусу включить двигатели, какие бы они у него ни были, и начинать медленный, очень медленный подъем из продавленной им земли.

В ладони застучало чаще, ощутился жар. Я стиснул челюсти, терпел, в висках стрельнуло, и весь мир затянуло кровавой пеленой, в мозгу точно порвались какие-то сосуды, пронзило острой болью.

Я старался не поворачиваться к Альбрехту, да не увидит залитые кровью глазные яблоки, все тело наполняется расплавленным металлом, сцепил челюсти и не дышу, не выдать бы себя истошным воплем...

Целую минуту дикий жар разламывал череп и сжигал мозг, затем медленно пошел по телу вниз, воспламенил внутренности, превращая их в горелые ошметки, ноги заорали дикой болью, затем все ушло, только все тело дрожит мелко-мелко, продолжая что-то восстанавливать, регенерировать, возвращать в исходное состояние.

Альбрехт беспокойно задвигался, спросил сдавленным голосом:

— Ваше величество?.. Сэр Ричард?

Я просипел:

— Граф, не отвлекайте...

— Вам плохо?

— Я в трансе, — шепнул я и опустил верхние веки на глазные яблоки, куда словно сыпанули мелко растертым сухим порошком перца. — Медитирую... Интерфейс «мозг — машина»... или даже «мозг — компьютер» нащупываю...

— Ничего не понял, — ответил он обеспокоенно, — но не стойте так близко к краю.

Я послушно отступил на шаг, а следом из котлована пошла тугая волна разогретого воздуха. Горячую массу выдавливает наружу, как из гигантского поршня, Альбрехт потянул ноздрями, тоже ощутил запах горелой земли. Хотя это могут быть деревья, что Маркус сплющил и вдавил на глубины, а какие-то втер в стены.

Альбрехт тихохонько охнул, конь под ним беспокойно попятился, а Бобик отпрыгнул и зарычал.

Все трое то и дело косились в мою сторону, хотя тут же поворачивали головы в сторону котлована.

— Сэр Ричард, — сказал Альбрехт шепотом, — оно там поднимается!.. Вы... уверены?

Боль ушла совсем, только в ногах тяжесть, я ответил почти своим голосом:

— Нет... Но если получится... вы представляете...

— Нет. А вы?

— Тоже.

— Тогда как...

— Что-то просматривается, — сообщил я, — вроде рыбы в тумане.

— Большой?

— Левиафан перед такой вроде пескаррика.

На внутреннюю стену котлована снизу пал страшный багровый отсвет. С замиранием сердца смотрели, как поднимается все выше, призрачное багровое пламя выметнулось наружу и воспламенило низко проплывающее облачко, превратив из белоснежного барашка в пропитанную кровью повязку на голове раненого.

Появилась и быстро пошла вверх красная вершина купола, а в глубине угадывается эта блестящая красная гора металла, пугающе громадная и страшная в своей несокрушимости,

похожая на литой панцирь бога размером с горный хребет.

— Маркус, — сказал я властно, хотя голосок в конце сорвался на мышинный писк, — остановись!

Тугой жар ударил в голову, я невольно взвыл, но Альбрехт не заметил, остановившимися глазами смотрит на вершину горы из красной стали, что замерла всего в ярде от края котлована.

Он шумно выдохнул, лицо белое, как мел, едва-едва прошептал:

— Сэр Ричард... это сумасшествие...

— Еще какое, — ответил я с дрожью, — хорошо, что я частенько вот так, не подумавши... Если бы подумал, ни за что бы... Маркус, пандус!.. В смысле, трап, трап!.. Сходни!

И снова боль и жар во всем теле, но я инстинктивно набрал в грудь воздуха и терпел, Альбрехт тоже застыл, страхась шевельнуться и даже вдохнуть.

Несколько секунд ничего не происходило, затем прямо на верхушке купола, на сплошной и с виду монолитной плите вздулся горбик, преобразился в подобие трапа и начал быстро вытягиваться в нашу сторону, длинный, тонкий и ничем не поддерживаемый в воздухе, вот-вот переломится под собственным весом.

Наметились даже ступеньки, грубые и плохо оформленные, по краям висят неопрятные красные сосульки, сам трап выглядит так, будто наскоро слепили из щедро смешанного с красным перцем теста.

Преодолев под углом снизу вверх бездну от вершины купола и до края котлована, трап бесшумно лег концом на край обрыва, а сосульки, как зубы, глубоко вошли в землю.

Я поежился, но сердце, несмотря на боль, колотится, как птичка в клетке, чувствуя, как вот-вот выпустят на свободу.

— Сэр Альбрехт, — прошептал я, — это эпохально...

— Мой лорд?

— Разве не видите, — сказал я, — общаемся!.. Начало хорошее, а потом и до баб дойдем...

Он расширенными глазами, едва удерживая коня, смотрел, как я покинул седло и, подобрав под ногами тяжелый валун, прижал им длинный повод.

— Пойдемте, сэр Альбрехт.

— Ох... вы всерьез? Вот так, без нужды?

— Нужда у людей всегда, — ответил я. — Иначе бы не слезли с деревьев... Смелее, сэр!

Он нервно оглянулся в сторону далекого лагеря.

— А там сейчас пируют...

Я проговорил вздрагивающим голосом:

— Если не мы цари природы, то кто? А Маркус... это как бы природа.

Альбрехт молча, как в ступоре, слез на землю, накинул повод на обломок дерева с уцелевшими сучками и двинулся за мной деревянными шагами.

Бобик, обогнав нас, бодрыми прыжками пронесся вперед, а я торопливо прикидывал, насколько Маркус улавливает мои желания...

Когда прошли до середины трапа, под ногами дрогнуло. Трап понес со все возрастающей скоростью прямо в стену металла.

Альбрехт оглянулся, охнул.

— Сзади нас ничего нет!.. Мы в ловушке!

Бобик попятился, шерсть поднялась дыбом, а из горла вырвался грозный рык. Я ответить не успел, нас ударило о стену... этого ожидал и уже напряг мышцы, но стены нет... хотя есть, вон позади, а нас внесло в огромный зал странной и дико изогнутой формы, даже под ногами пол в ямах, наростах и трещинах.

Бобик тут же соскочил с трапа, осмотрелся и запрыгал вокруг нас, приглашая побегать в такой интересной пещере.

Альбрехт оглянулся, голос его задрожал, как туго натянутая тетива:

— А где эта самодвижущаяся лестница?

У меня у самого голос прозвучал как-то нетвердо и не по-императорски:

— Растаяла, — ответил я, — за ненадобностью.

— Здесь все на магии?

— Замрите, сэр Альбрехт... Это как новый жеребец... Купить купили, но вот с какого боку подойти, чтоб ни зубами, ни копытами не достал...

Он прошептал:

— По каким вы только базарам ходите... Чуть сердце не выскочило!

— Тихо, — повторил я. — Думаете, у меня не трясется?.. Но все через тернии, все через тернии... Маркус, я на месте. Твой глава, босс, руководитель и твой мозг. Говорить можешь?.. Ладно, мысленный интерфейс тоже неплохо, хотя предпочитаю вслух, так надежнее, а то мысли у меня такие бывают... сам бы себе... погрозил пальчиком. Бобик, перестань...

Бобик перестал, но тут же совершил каскад красивых прыжков через наросты и выпуклости, хоть мог бы обойти, затем с разбегу влетел в стену и... пропал.

Я похолодел, хотя, возможно, собака видит, где стена настоящая, литая, а где легко трансформируемая или вообще голографическая проекция.

Альбрехт не сдвинулся с места, а я осторожно пошел по нижнему этажу, притрагиваясь к стенам, ощупывал наросты и сталагмиты, вырастающие из пола на высоту моего роста.

Все непонятное и чужое, везде металл, который невозможно даже поцарапать, но легко меняющий форму по каким-то неведомым мне причинам.

И с каждым шагом чувствуется нарастание некоего единения с этим существом. Чем-то странно напоминает Бобика в момент нашего с ним знакомства, когда тот и присматривался ко мне с недоверием, и в то же время страстно жаждал подойти к этому незнакомцу, вдруг станет хозяином, которому так сладостно служить и повиноваться!

В построенных людьми дворцах и замках из камня свод поддерживают массивные колонны, Маркус благодаря металлу мог бы позволить себе пространства намного больше без всяких колонн, однако здесь, видимо, срабатывает то же, что в муравейнике. Мураши могли бы вырыть огромную пещеру, однако же копают тысячи ходов, что ведут в сотни различных помещений, больших и маленьких, круглых и вытянутых, расположенных на разных уровнях.

Возможно, не только человеку тревожно спать в огромном зале, все-таки в небольших помещениях уютнее, будь это спальня или кабинет.

Альбрехт наблюдал за мной с вытянутым, как у коня, лицом, а когда я приблизился, проговорил напряженным голосом:

— Ну... и как?

— Дружелюбен, — ответил я, подумал и добавил чуть осторожнее: — Даже больше, чем с его предыдущими хозяевами.

— Даже так?

Я сказал все еще без уверенности:

— Возможно, ориентируется на уровень интеллекта?.. Пусть я не гений, но все-таки в сравнении с теми обезьянами... Долго же скитался, раз даже их принял как поводырей!.. И Бобика вроде бы принял, а тот, паразит, унесся мышей искать, не понимает, как за него страшно.

— Мне и за нас тоже страшно, — ответил он почти прежним суховатым тоном. — Хотя, конечно, за Бобика больше, как же иначе.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — нужно запустить сюда наиболее трезвых...

Он сказал со вздохом:

— Все трезвые и уже голодные! Мы прибыли на битву без обоза.

— Я о другой трезвости, — сказал я. — Все, для первого раза достаточно, пойдете отсюда. Маркус, трап на землю!

Голос мой прозвучал почти уверенно, но дыхание я задержал и напряг все мышцы.

Разламывающий череп жар снова начал выжигать мозг, однако Альбрехт с напряжением и заметным испугом смотрит, как прямо из-под ног поднимается широкий и ровный, словно выструганная доска, трап, с трудом отрывается от липкого пола, и не заметил, с какими усилиями я борюсь, стараясь не грохнуться в обморок.

Широкая полоса разбилась на ступеньки, первым на них взпрыгнул Бобик и оглянулся в нашу сторону с нетерпением. Едва мы с ошалевшим Альбрехтом осторожненько встали на нее, стремительно понесла прямо в металлическую стену.

И снова запоздалый холод в желудке, хотя прошли сквозь стену, словно ее не существует в том месте вовсе. Альбрехт шумно выпустил запертый в груди воздух, а я подумал, что надо как-то объяснить Маркусу, что вход-выход нужно бы сделать хотя бы прозрачным.

Хотя зачем? Не собираюсь водить сюда экскурсии. А все остальные пусть лучше видят сплошные толстые стены.

Движущаяся платформа скользила к краю этой чудовищной ямы. Бобик сделал три шага для разбега и в длинном прыжке, преодолев расстояние над бездной, приземлился на краю котлована.

Зайчик уже выдернул из-под камня повод, презрительно фыркнул, видал он такие прыжки, жеребята и то умеют лучше и дальше.

— Возвращаемся, — сказал я. — Или хотите еще что-то посмотреть, сэр Альбрехт?

Он зябко передернул плечами.

— У вас чудовищные шуточки, мой лорд.

От места недавней битвы несутся веселые вопли, кличи, с разных концов поля орут боевые победные песни. Конь Альбрехта, который побаивается громады котлована больше хозяина, без всяких понуканий пошел галопом, а мой охотно ринулся догонять.

На приличном расстоянии от впадины со скрытым от взглядов Маркусом Альбрехт придержал лошадь, поджидая меня.

— Вина, — напомнил он, — как и еды, нет. Если не считать того, что во флягах, да если вдруг у кого завалился в мешке черствый кусок хлеба.

— Паршиво, — ответил я. — Вся армия здесь! Тысячи и тысячи здоровых бойцов, что шли на верную смерть. Дескать, на тот свет обоз не потащишь.

— Послать конников Норберта в села? — предложил он.

— Лучше в Штайнфурт и Воссу, — ответил я. — Маркус сел как раз между ними, горожане убежали в лес.

— По кладовкам можно шарить, — согласился он, — возражать некому.

— Капля в море, — сказал я, — но на первый случай годится. А вообще-то нужно убираться отсюда.

В импровизированном лагере, завидев нас, люди вскакивали и радостно орали, все еще не придут в себя как от победы над таким врагом, так и от всего, что случилось после.

Навстречу вылетел, настегивая коня, Волсингейн, уже в полных доспехах, только забрало потерял в бою, бледный и трепещущий, прокричал с невыразимым отчаянием в голосе:

— Сэр Ричард!.. Багровая Звезда вылезает из недр?..

Альбрехт оглянулся.

— Где? Вы это чего, сэр Волсингейн?

— Облака, — выкрикнул Волсингейн, — в небе вспыхнули!

Альбрехт сказал поспешно:

— Скажите всем, что это сэр Ричард, его хозяин, вызвал себе на службу. Так и скажите!

Волсингейн охнул, но Альбрехт смотрит холодно, как большой змей на крохотного мышонка, и молодой военачальник, поспешно развернув коня, понесся с той же скоростью обратно к лагерю.

Победные песни умолкли, я видел, как все поднялись в едином порыве и, ухватившись за оружие, развернулись в сторону той страшной пропасти, где свободно поместился бы большой город вместе с пригородами.

Я с поднятой над головой дланью и широкой улыбкой на лице, даже мышцы рта заболели, проехал на середину поля, бывшего местом жесточайшей битвы, помахал рукой над головой.

Последние голоса затихли, все ждут в напряжении, в переднем ряду барон Гастон Келляве и Каспар Волсингейн, они всю битву прошли плечо к плечу, прикрывая друг друга. Келляве в полутяжелых, но устрашающих доспехах, даже шлем украшен острыми рогами в виде кривых зазубренных ножей, при одном взгляде становится не по себе, не говоря уже о том, что на фигурном щите, который в бою всегда обращен в сторону противника, выпукло и четко изображена мертвая голова.

Плечи и предплечья усажены короткими, но острыми шипами, по мне, так бесполезны,

но сэр Гастон из немногих, которые умеют ими пользоваться умело и быстро.

У Волсингейна настолько тщательно сделанные и хорошо подогнанные доспехи из незнакомого металла, что его создатели наверняка умели бы клепать в своей оружейной мастерской и танки, если бы знали, что это и как их делать.

Я как-то вскользь спросил насчет доспехов, он смущенно признался, что переходят в их роду из поколения в поколение, а сейчас вот он удостоен чести владеть ими.

Сейчас вся армия уже с оружием в руках, люди ждут, лица суровы, но в глазах страшное напряжение и готовность к новой страшной сече.

Я приподнялся в стремях, хотя подо мной арбогастр сам по себе громадный, как гора, прокричал, чуть не срывая голос:

— Слушайте, слушайте все!.. Багровая Звезда Зла уже не звезда зла, а захваченный обоз противника!.. Мы его мудро не уничтожили, он теперь наш. Наша добыча. Сейчас он в своей подземной... конюшне.

Альберт добавил главное, чего ждали:

— Потому продолжайте пир!

После мгновения тишины вопли загрели с новой силой, а я повернул коня и ускакал к далекой кучке священников, что сгрудились возле сидящего на стволе поваленного дерева отца Дитриха.

Передо мной расступились, я соскочил на землю и, метнув небрежно повод ближайшему из монахов, пошел быстрыми шагами к отцу Дитриху.

Он даже сделал движение встать, но я поспешно опередил, почти подбежал и, опустившись на колени, почтительно поцеловал ему руку, чувствуя под губами совсем тонкие пальцы, покрытые сухой дряблой кожей.

— Отец Дитрих!

Он повел взглядом в сторону, священники поклонились и начали расходиться.

Я тоже выждал, а когда мы остались наедине, отец Дитрих жестом велел встать с колен и сесть рядом.

— Отец Дитрих, — сказал я, осторожно опускаясь рядом на бревно, — отряд троллей во главе с сэром Растером сражался доблестно, ни один не отступил. Две трети погибли... и, увы, думаю, Вельзевул не стал распространять на них условия нашей сделки.

Он взглянул с сочувствием.

— Сын мой, у тебя слишком выразительное для императора лицо. Я прочел по нему все, что ты хотел сказать, еще когда ты был в седле.

— Отец Дитрих?

Он покачал головой.

— Конечно же, теперь мир будет иным. Не думаю, что придется долго пробивать в Ватикане решение о признании равными нам троллей, эльфов и всех, кто сражался с нами плечо к плечу. Возможно, Господь и сотворил этих созданий для того, чтобы они в таком вот испытании показали свою настоящую суть?..

— А если Ватикан не пойдет на такой шаг?

Он вздохнул.

— Там тоже люди, могут ошибаться. Горько такое говорить, но мы не обязаны выполнять ложные указания даже Ватикана, ибо служим Господу, а его заветы превыше всего, в том числе и церкви. Возможно, именно самопожертвование троллей, когда ударили в спину филигонам, помогло одержать победу? Или погибшие эльфы, что постоянно уничтожали

филигонов стрелами на пути к селам и обратно? Уверен, здесь нет человека, который не ощутил троллей, эльфов и даже колдунов своими кровными братьями, что дрались рядом и погибали рядом. Ватикану придется отступить перед возможностью раскола церкви.

Я шумно перевел дыхание.

— Спасибо, отец Дитрих... Вы такой камень сняли с моей души!

Он взглянул с мягким укором.

— Сын мой, церковь не чудовище. Она продолжает вести человека, иногда и тащить слишком жестко, признаю, из тьмы к свету. Сообразуясь не только с вечными ценностями, но и с реальностью... Конечно же, те маги, которых ты называешь алхимиками, пусть они и маги, но теперь в официальных бумагах они все будут именоваться алхимиками...

— Спасибо, отец Дитрих, — сказал я жарко. — Догадываюсь, что это значит.

Он кивнул.

— Верно догадываешься. К ним отныне такое же отношение, как к любым лекарям, аптекарям, травникам, плотникам или каменщикам. Никакого преследования... Ты что-то задумал?

Я помялся, сказал с неловкостью:

— Знаю, сейчас бы закрепить здесь все, что мы вырвали с таким трудом у врага, но... отец Дитрих, перекладываю все на ваши плечи и на армию ваших священников. А я рискну нанести визит на Юг. Сейчас самое подходящее... Юг — это Юг, отец Дитрих!.. Все, кто может схорониться в глубоких и очень глубоких пещерах, уже там. И выходы замурованы, чтобы вслед не полезла всякая голодная чернь в попытке спасти и свои жалкие жизни.

Взгляд его стал острым и оценивающим.

— И королевские троны, как и дворы, опустели?

— Императорский, — ответил я, — наверняка в первую очередь.

Он покачал головой.

— Рискованно. Просто безумно... хотя да, другого такого случая уже не будет.

Я воскликнул воспламененно:

— Отец Дитрих! Только вы меня и поняли!.. Даже мои близкие друзья и военачальники не верят в такую затею.

— Судя по крикам в лагере, ты пытаешься оседлать эту летающую колесницу?

Я кивнул.

— Спасибо, отец Дитрих. Только вы сразу все понимаете. Все верно, это всего лишь гигантская колесница. Она не может быть злой или доброй, ей все равно, кто на ней едет.

Он подумал, произнес медленно:

— Я даже понимаю, почему намерен отправиться без священников...

— Отец Дитрих?

— Там сложившиеся империи, — сказал он серьезно. — Тебе придется трудно. Не только в воинском деле. Вообще. Сам увидишь. А пока да, нам предстоит очень много работы здесь. Потом... потом посмотрим.

Я молча, чтобы не брякнуть лишнее, поцеловал ему руку.

В правой части импровизированного лагеря отдыхают после страшного боя рыцари ордена Марешаля. Меня завидели издали, несколько рыцарей поднялись навстречу.

Глядя на них, невольно подумал, что хотя рыцарям-монахам доспехи делают в одной оружейной мастерской, но работа эта штучная, при общем сходстве всегда есть различия. Вот у смиренного брата Отто, в прошлом графа Шварцбург-Рудольфштадта из рода

Кенисбергов, доблестного Зальм-Райнграфенштайна, барона Эттинга Гогенцоллерн-Зигмарингена и барона Эльзарцер-Бергского доспехи, как у партии и Ленина, что близнецы и братья, но у брата Отто рога на шлеме в виде оскаливших один на другого золотых змей, у графа Зальм-Райнграфенштайна серпы, у барона Эттинга Гогенцоллерн-Зигмарингена две части солнечного нимба, что почти смыкаются над макушкой, а у барона Эльзарцер-Бергского ангельские крылышки.

Щиты у маршалцев треугольные, сильно вытянутые книзу, снежно-белого цвета с кричаще-красным крестом на все поле щита. Страшное и прекрасное зрелище людей, воспламененных одной священной идеей построения огнем и мечом Царства Божьего на земле прямо щас.

Вперед вышел брат Отто, я покинул седло и, шагнув навстречу, крепко обнял, тепло улыбнулся другим.

— Поздравляю вас, братья великого ордена, с величайшей победой!

Отто ответил смиренно, но с достоинством:

— Во славу Господа.

— Именно, — подхватил я. — Господь испытывал нас, теперь он доволен своей работой.

— Во имя Господа...

— Дорогой друг, — сказал я приподнято, — я намерен сложить на ваши плечи тяжкую ношу, в то время, как простые люди будут отдыхать и отстраивать то, что враги рода человеческого успели разрушить...

Он смотрел молча, а доблестный Зальм-Райнграфенштайн воскликнул пламенным голосом и весь в блеске юных глаз:

— Во имя Господа!.. Что нам предстоит?

— Враг побежден, — напомнил я, — сейчас на волне энтузиазма можно и нужно усилить роль церкви и ее основных заповедей, пока все в пламени веры...

Барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген, не помню его монашеского имени, поинтересовался осторожно:

— Брат Ричард... вы говорите так, словно сами отстраняетесь от такого богоугодного дела...

— Ради вящей славы Господа, — подчеркнул я суровым и значительным голосом. — Для нас бой не окончен, братья!

Они смотрели все внимательно и ожидающе, лучшая часть армии, элита человечества, наконец барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген уточнил:

— Брат Ричард?

Я перевел дыхание и сказал все так же сурово и страстно:

— Господь повелел мне с отборным отрядом рыцарей отправиться на Юг. Именно там земное логово Зла, Нечистой веры и самое море скверны. И да воссияет слава Господа над всем миром!

Они разом перекрестились и произнесли благочестиво в один голос:

— Во имя Господа!

Я обнял по очереди старших братьев Ордена, остальным рыцарям-монахам помахал рукой и, вскочив в седло, вернулся к Альбрехту, к которому уже стягиваются мои военачальники: Норберт Дарабос, Палант, Макс, Волсингейн, Келляве и даже те, кто предпочитает сражаться в одиночку или в небольших группах, как Тамплиер, Сигизмунд,

Митчелл...

Альбрехт спросил первым:

— Как прошло?

Я покинул седло и хлопнув Зайчика по толстому крупу, кивком указал на поле битвы, где из политой кровью травы торчат сломанные мечи, разбитые вдрызг щиты.

Зайчик ринулся добывать себе пищу, там вообще лакомства, Бобик взбрыкнул и понесся за ним.

— Уболтал, — сообщил я. — С радостью и пеньем псалмов будут разгребать говно здесь, а мы отправимся в страну сладкого порока и доступных женщин... Чего все заулыбались? Мы же борцы с пороком, забыли?

Рыцари переглянулись, Митчелл пробормотал:

— Да, но... доступные женщины... пусть остаются, наверное... На них же не женятся...

— На Юге женятся, — ответил я серьезным голосом. — Потому что чем выше по статусу, тем доступнее. Это Юг, там иные нравы.

Митчелл охнул, у остальных как-то слишком уж для борцов с пороком заблестели глазки.

Альбрехт проговорил с сомнением:

— Как угадать, когда шутите, а когда всерьез?

— Так вся жизнь такая, — пояснил я. — Думаешь, что шутит, а она тебя моргенштерном по голове!..

— Сэр Ричард, — сказал Митчелл лицемерно, — вы вся наша жизнь!.. Тоже такая же веселая.

— И радостно-моргенштерная, — добавил сэр Палант в тон.

Я сказал серьезно:

— А теперь о важном. Народ пусть пирует, а вы хоть и народ, но не народ, так что мы с Господом спросим с вас больше. И горе тому, кто не!.. В общем, так, страшная сила и скорость давали филигонам преимущества, мозги не требовались вовсе. На самом же деле Маркус, которым незаслуженно пользовались, может гораздо больше, чем просто уничтожать материки и служить небесным обозом.

Они посерьезнели, подтянулись, Палант спросил почти испуганно:

— Ваше величество?

Я кивнул.

— Угадали, сэр Палант. Ищу. Я ведь человек, потому жадный, и мне всегда всего мало.

Альбрехт сказал серьезно:

— Мой лорд, можно подавиться.

— Или лопнуть, — заметил Палант.

— В лучшем случае, — добавил Митчелл, — обос... облегчиться быстрее обычного. Намного быстрее.

Я оглядел их свысока.

— А если нет?.. Вот что, умники. Народу пока не говорю, но вам сообщаю секрет государственной важности. Хватит отдыхать, а то сами от безделья лопнете. Вы хоть понимаете, что весь мир, завидя Маркуса в небе, ринулся в самые глубокие пещеры?.. И будет там сидеть, насколько жратвы нахомячил?

Они продолжали смотреть вопрошающими глазами, только Альбрехт сказал в нетерпении:

— Наш мудрое императорское величество изящно намекает вот так это молотом в лоб, что королевские троны опустели. Везде.

Митчелл проговорил очень серьезным голосом:

— Ага, везде. Страшно и подумать... Везде-везде.

— Вот-вот, — сказал Альбрехт. — Как догадываюсь, оно имеет в виду не столько королевства нашего континента, а южного...

Все заметно напряглись, Келляве сказал осторожно:

— Насколько мы уже знаем размах нашего величества, оно не имеет в виду краешек на берегу?

Я ответил с надлежащей высокомерностью в голосе:

— Краешек у меня уже есть. Целый процветающий маркизат! С огромным флотом, как вы уже видели.

Митчелл проговорил подчеркнуто строгим и ясным голосом, изображая не то Альбрехта, не то всегда сурового Норберта:

— Верно, хватит отдыхать... Уже целую минуту лежим. Или почти лежим. Куда столько?.. С сэром Ричардом никогда так долго не отдыхали. От безделья уже все кости болят. Нельзя лежать, когда страна в лице нашего неукротимого и закусившего удила вождя трубно и зычно зовет и кличет...

— На свершение, — сказал Палант значительно. — Ибо это путь мужчин! Плодиться и размножаться. А на Юге мы еще не размножились, верно? Разве что наш великий император успел, но мы, хоть и не догоним, должны стараться!.. Сэр Ричард!

— А сейчас, — велел я, — пойдете в народ. Народники, в общем, передвижники. Поднимем ярость масс!..

— Насчет пира?

— Насчет пропитания, — пояснил я. — Кто-то из нас думал, что оно понадобится?

— Собирались обедать в раю, — подтвердил сэр Келляве.

В лагере народ, завидя меня, за которым, как гуси, идут все знатнейшие рыцари, начал подниматься, почтение выказывают, я властным жестом велел всем сесть, а кто сидел, лечь.

— Как вы знаете, — сказал я громко, насколько мог, — города и села при виде Багровой Звезды опустели! Вы не можете закупить провизии, потому вправе войти в брошенные дома и лавки, взять с собой столько еды, сколько вам потребуется. Вещи не брать!.. Хотя бы потому, что мы вот так, с группой добровольцев, не переобуываясь, отправимся на Юг. Да-да, на Юг, а он намного богаче наших северных королевств!

Слушают внимательно, время от времени кто-то пытается ликующе заорать, как вот при сообщении, что можно врываться в брошенные дома богачей и забирать оттуда все, что душа пожелает, но им быстро затыкали рот, обычно ударом под дых, на лицах то страх, то восторг, но чаще всего банальное недоумение.

Я сказал значительным голосом:

— Отправимся не на кораблях, это долго и опасно, а на Багровой Звезде, что теперь служит нам!.. На сборы двое суток!.. Двое суток, чтобы собрались здесь же, на этом месте.

Предупреждаю: что нас ждет на Юге, не знаю. Хотя вообще-то на Юге был, но видел только краешек, а сейчас отправимся прямо в центр империи Германа Третьего к его столице и к его дворцу!..

Альбрехт быстро добавил:

— Его императорское величество Ричард хотел сказать еще, что кто не хочет в этот рискованный поход, может остаться. Кто решится, через двое суток должен быть на этом месте с недельным запасом провизии, вина и еды!..

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, еще... Неважно, отправитесь вы со мной на Юг или нет, помните, вы победители!.. Багровая Звезда не сама убила о стену, а это вы своей отвагой и доблестью вырвали победу у самого великого во вселенной врага!.. Ничто не должно смутить вас, поняли?.. У вас собственная гордость, помните!.. Вот мой указ, слушайте!.. Всех-всех, участвовавших в этой страшной битве, посвящаю в доблестные рыцари!.. Теперь все вы, все-все, отныне и навеки благородного звания!

Альбрехт сказал тихонько:

— Ого.

— Это еще не все, — продолжил я торжественно и сам ощутил, что голос стал звенящим и даже кимвальным. — Все люди благородного звания, баннерные или безбаннерные рыцари, получают титул. Безбаннерные отныне виконты, виконты теперь бароны и так далее, а мои герцоги отныне принцы. И не какие-нибудь там, подумаешь — принцы, а сразу принцы императорской мантии!

Рев поднялся над толпой, как могучий смерч, пошел в стороны и вверх, и, думаю, не одна птица в небе упала замертво, оглушенная как палкой по голове.

Я вскинул обе длани над головой, помахал милостиво, а внизу военачальники закричали напоминая, что его величество император, который сражался вместе с ними, а не за их спинами, отпускает их на двое суток, спешите, не теряйте времени, не дайте себя опередить. Альбрехт хмуро наблюдал, как вся армия с радостным ревом, сама по себе разделившись на две половины, ринулась к городам Штайнфурту и Воссу.

— После такой речи, — сказал он суховато, — явятся. Даже не задумываясь, что их ждет. За них думает император...

Я сказал нервно:

— Не напоминайте, и так вздрагиваю.

— Не продумали еще?

— Еще нет, — признался я. — Честно говоря, я больше интуитивист, стыдно признаться.

Он сказал с неодобрением:

— Это простой рыцарь может по велению сердца, но... император?

Я огрызнулся:

— Сэр Альбрехт, сами знаете, какой из меня император! Потому империи и рассыпались, что власть каким-то чудом попадала в руки таких вот... красивых и нарядных.

— Сэр Ричард, — сказал он серьезно, — раньше я что-то мог подсказать, посоветовать, все-таки мой жизненный опыт... Но сейчас вторгаетесь в такое, что, боюсь, останетесь в полном одиночестве. Нет, мы за вами пойдем! Но...

— Договаривайте, граф... Простите, ваша светлость, герцог. На что намекаете?

Он вздохнул, покачал головой, в глазах я увидел укоризну.

— До этого на вас либо нападали, либо ставили в безвыходное положение, и вам

приходилось... Но сейчас наконец-то добились всего и получили все-все!.. Впервые сами по своей воле делаете первый шаг к нападению.

— Не совсем так, — ответил я и ощутил, что уже огрызаюсь, как загнанный в угол зверек. — Император Герман велел явиться немедленно! И пригрозил, что если не явлюсь, то сюда высадится вся его армия. Продумайте себе его дальнейшие шаги!

Он в самом деле задумался, подвигал морщинами на лбу.

— Через недели, — проговорил он очень медленно, — или месяцы начнет пробиваться наверх... Обнаружит, что все цело... значит, Багровая Звезда удалилась, на этот раз ничего не разрушив...

— И что он сделает? — спросил я с угрюмой злостью.

Он буркнул:

— Закатит пир!.. Что естественно. Ну, а потом... должен признать, вы сразу смотрите в корень. Да, его угроза наверняка была озвучена и перед придворными. Так что он просто обязан будет прислать сюда армию.

— Тогда сами понимаете, — отрезал я, — что мы должны! И побыстрее, герцог, побыстрее!.. Соберите военачальников. Надеюсь, они не ринулись в Штайнфурт и Воссу грабить лавки?

Он посмотрел с иронией.

— Им принесут.

Через несколько минут он вернулся с группой наиболее близких мне рыцарей, среди них Келляве, Норберт, Растер, Митчелл, Волсингейн, Тамплиер, Сигизмунд, Палант, Макс, Кенговейн, Горналь, еще десятка три умелых начальников отрядов, теперь уже рыцарей, а кто-то уже виконт, барон, а то и граф.

Альбрехт сказал с неодобрением:

— Быстро вы их... в смысле, нас всех. От простых рыцарей до герцогов за несколько лет...

Я покачал головой.

— Мне пришлось карабкаться долго и трудно, ни одной ступеньки не пропустил... Потому просто обязан сделать для своих соратников эту дорогу проще и короче!

Он пробормотал:

— Да я разве против? Только я человек битый, уже понимаю: за такое придется расплачиваться... Что потребуете взамен?

Я пожал плечами.

— Одна дама сказала вторгнувшемуся в ее спальню грабителю: берите от меня все, что хотите, оставьте только деньги, вещи и жизнь. Думаю, вы поняли.

— Еще бы, — ответил он. — Возьмете кроме всего еще деньги, вещи и наши жизни... О, даже Боудеррия пришла во всем ее блеске!

По моему знаку все послушно опустились под кроной могучего дерева, хотя вижу, как неловко сидеть, когда их король, а теперь уже император остается на ногах.

— Вы избавлены от необходимости шарить по домам, — напомнил я, — в поисках пропитания. Так что слушайте внимательно.

— Ваше императорское величество, — сказал из задних рядов один из старших разведчиков, — мы все внимание.

— При любой победе, — напомнил я, — обязательно есть трофеи. Наш главный трофей — Маркус, Багровая Звезда. Точно так, как на нем прибыли филигоны, так и мы прибудем...

но не так далеко, а всего лишь на Юг. Наша цель... вообще-то понятная — доминантность. Мы превыше всего!.. А как это осуществить на месте, продумаем в дороге. Я сейчас подниму Маркус... не целиком, а то перепугает всех в королевстве, а так... чтоб чуть-чуть высунулся из норки, которую он себе прокопал...

Альбрехт, всегда точный в формулировках, уточнил:

— Продавил.

— Да, продавил. Так ему даже быстрее, чем копать. Когда жопа тяжелая, это очень удобно. Только без паники, без паники!

Митчелл сказал мрачно:

— Да уж как-то... никто в обморок не рухнет. Если сумеете поднять, то и дальше, наверное, он нас не подавит... или не всех. Сэра Бриана пусть, он у меня в прошлый раз все монеты выиграл, а меня за что?

— Сэр Ричард, — сказал Норберт, — если это в самом деле в ваших силах, то лучше вытаскивать эту шгуку целиком.

— Сэр Норберт?

— Как она садиться будет? — спросил он. — Снова продавливать землю, как боевой молот грязь, чтобы мы сумели выйти?..

Я хлопнул себя по лбу.

— Спасибо, сэр Норберт. Я дурак, не подумал. Конечно же, загрузимся в трюмы.

— Трюмы?

— В нижний этаж.

Он смолчал, явно не согласный с тем, что его лорд дурак, а он служит дураку, а я указал на котлован, а сам, пока на меня никто не смотрит, набрал в грудь воздуха и приготовился терпеть всежигающую боль.

Все смотрели устрaшенно, как из-за края котлована начала подниматься громадная красная гора блестящего металла. Медленно задирали головы, провожая взглядами, а она все росла и росла, и когда опускали головы, оказывалось, что это чудовище все еще идет вверх и вверх, и неизвестно, сколько его в яме.

Наконец, когда ожидание развязки стало таким, что, если чихну, половина упадет в обморок, а другая обмочит штаны, Багровая Звезда остановилась, замерла, а затем по моей команде сдвинулась в сторону.

Альбрехт шумно вздохнул, когда эта гора металла опустилась на землю рядом с чудовищной ямой, не примяв даже травы.

Удерживая бешено колотящееся сердце, я сказал почти бодро:

— Вот!.. Пока фуражиры фуражируют, можете осмотреть и подготовить нижний этаж на предмет транспортировки личного состава и низших чинов, среди которых все отныне рыцари. Выше подниматься... пока не стоит, а низ и есть низ, трюм, как бы вот. Нам Багровая Звезда для передвижения, концертные и танцевальные залы пока подождут.

Барон Келляве, что теперь уже граф, проговорил мрачно:

— Сэр Ричард... вы уверены...

— Насчет чего? — спросил я. — Вообще-то как человек мыслящий ни в чем не уверен, но как император...

— Насчет успеха вторжения на Юг?

— Нет, — ответил я честно. — Но просто жить тоже опасно. А вы, сэр Тамплиер?

Голос Тамплиера из-под цельного шлема раздался гулко и мощно, как из подземелья:

— Мы с сэром Келляве стояли на пути врага плечо к плечу. Здесь тоже пойдем рядом.

Сигизмунд сказал ясным и чистым, как серебряная труба, голосом:

— У меня нет своего отряда, но проверю и подготовлю места, где можно разместить людей.

Он вздрогнул и отступил на шаг, на пригорке поблизости появился из ниоткуда Карл-Антон в своем нелепом длинном халате до пят, словно прячет козлиные копыта, а на голове шляпа, как на огородном пугале: с широкими полями и длинным острым верхом.

Все насторожились, глядя, как он внимательно рассматривает издали эту сверкающую гору металла. Тамплиер сказал с неприязнью:

— Сэр Ричард, надеюсь, этого старика брать не вздумаете?.. Если отправляемся в страну колдунов и магов, стоит ли везти туда еще одного, чтобы там повесить?

Я сказал строго:

— Он не маг, а алхимик!.. Это совсем другое, хоть и то же самое, но потом ответится с уклоном в науку. А вспомните, как он сражался!

Он буркнул нехотя:

— Сражался — да, если бы не его факелы... Но переживет ли долгое путешествие на Юг? Все-таки старик...

— Человек свободен, — подчеркнул я, — в своем выборе. Пусть сам решает. А вы все за мной! Маркус... пандус!

На всякий случай постарался сосредоточиться и представить достаточно широкие и прочные сходни, да не проломаются, когда по ним двинется тесная группа в десятки человек.

Альбрехт с укором покачивал головой, а рыцари, не сходя с места, настороженно осматривались в странном бесформенном зале, где ни одной вертикальной или прямой стены, свод изгибается волнами, пол в неровностях, чувствуется под ним шевеление, будто там во сне переворачивается с боку на бок огромное животное.

Пока все приходило в себя, я унял боль и тоже перевел дыхание, только Бобик чувствует мое состояние и прижимается горячим боком, обещая защитить от всех и от всего.

— Очень осторожно, — наконец выговорил я обгорелым ртом. — Осмотрите и подготовьте места для своих отрядов. Думаю, полет... в смысле, передвижение продлится недолго, но... пока не знаю, как и сколько.

Келляве поинтересовался с сомнением в голосе:

— Сэр Ричард, а вы уверены... что это богоугодно... или хотя бы не совсем против церковных истин?

— Отец Дитрих, — ответил я важно, — одобрил и как бы благословил.

— Вторжение? — уточнил он. — Или это вот... Багровую Звезду?

— Это не магия, — объяснил я благочестиво, — а нечто вроде чуда, что дозволительно церковью. Как вот трофейный конь, сперва враг на нем, теперь мы.

Сэр Растер не стал обходить неопрятный горбик на дороге неприятного синего цвета, а, демонстрируя молодежи, как можно двигаться даже в его тяжелых доспехах, довольно лихо перепрыгнул.

Я охнул вместе с теми, кто смотрел на доблестного наставника рыцарских ценностей.

Сэр Растер просто исчез над холмиком. Ни вспышки, ни дыма, просто исчез.

— Всем отойти! — велел я. — Не приближаться!

Воины выхватили мечи, первая мужская реакция, отступили на шаг, но далеко сверху раздался мощный рев:

— Я здесь!

Под самым сводом на веранде без парапета, как я определил для себя за неимением других терминов, сэр Растер поднялся на ноги во всем блеске тяжелых доспехов и машет нам рукой.

— Сэр Растер? — прокричал снизу Норберт.

Растер даже не шелохнулся, ткнул большим пальцем через плечо.

— У меня за спиной роскошный ход!.. Светлый, все блестит... будто для торжеств...

Щас посмотрю...

Я крикнул:

— Не смей туда соваться!

— Я только одним глазом, — пообещал он. — Загляну, и все...

Замедленно поворачиваясь в ту сторону, он поскользнулся на блестящих от слизи неровностях, взмахнул руками и сорвался с узкого бортика.

У всех вырвался вскрик жалости. Сэр Растер в тяжелых доспехах стремительно набирал скорость с раскинутыми руками и ногами, словно тормозя падение, но ярдах в трех от пола резко замедлился...

...и опустился почти нежно на четвереньки. Тут же воздел себя на ноги, ошалелый и с вытаращенными глазами, но с надлежащей осанкой наставника молодежи.

— Сэр Ричард! — вскричал он патетически. — Теперь я верю, что творим богоугодное дело! А вы, сэр Гастон, сомневаетесь зря!

Граф Келляве перекрестился и сказал быстро:

— Уже нет.

— Больше не рискуйте, — бросил я зло Растеру. — Нельзя пользоваться бесконечной снисходительностью Господа... потому что она не бесконечна.

— Да, — сказал Келляве мощно, — вспомним Содом и Гоморру... Нет, лучше не вспоминать.

Растера окружили, трясали, обнимали, хлопали по плечам, а один из разведчиков Норберта незаметно отошел в сторону и прыгнул через тот горбик, в точности копируя движения доблестного рыцаря.

Нет, вверх не взлетел, просто исчез, я сразу вскинул голову, под самым сводом возникла человеческая фигурка. Он оттуда помахал нам рукой и тут же поспешил в проход, который обнаружил сэр Растер.

Норберт прошептал что-то злое, я сказал ему тихо:

— Отчаянных ты воспитал парней.

— Это сами, — буркнул он. — Друг перед другом... Сволочи, у меня чуть сердце не выскочило. Чекард!

Чекард, один из его младших командиров, тут же подбежал, отчеканил лихо:

— Сэр Норберт?

— Иди за ним, — велел Норберт. — Я же приказал: только по двое-трое!..

— Выполняю, — ответил Чекард.

Нимало не колеблясь, а если и трусил, то не показал нам, прыгнул через кочку, исчез, тут же возник вверху и, выказывая полнейшее самообладание, метнулся в проход за соратником.

Рыцари смотрят, задержав дыхание и раскрыв рты, в самом деле у Норберта самые отчаянные и бесшабашные, потом кто-то решился, прыгнул через кочку, исчез, появился вверху, но вместо того, чтобы пойти в проход, сделал вид, что поскользнулся, и рухнул вниз.

Снова у меня замерло сердце, однако воин хоть и падал быстро, но у самого пола ухитрился извернуться и встал на ноги, хоть и пошатываясь.

Сэр Митчелл сказал рассерженно, но все же с довольной ноткой в голосе:

— В моем отряде тоже не совсем уж трусливые!

— Что вы делаете, — сказал я в сердцах, — сейчас такое начнется...

Митчелл охнул, но люди из его отряда, отряда Паланта и группы Келляве наперебой начали доказывать друг другу неустрашимость, один за другим прыгая через кочку.

Их каким-то образом забрасывало наверх, а там они скапливались на узкой полоске балкона без бортиков. Кто-то решился и вроде бы нечаянно поскользнулся, за ним наблюдали с тем же замиранием сердца, но все повторилось, как стремительное падение, как и торможение у поверхности пола.

Еще двое прыгнули следом, остальные не решились, страх высоты сильнее голоса разума, мало ли что другие не разбились, а я вот обязательно разобьюсь...

Таких набралось много, потихоньку отступили в открытый сэром Растером туннель и скрылись из виду.

— Только бы не заблудились, — сказал я в сердцах. — Сэр Альбрехт, запретите этот аттракцион!.. А вы, сэр Норберт, поставьте охрану.

Норберт кивнул, но сказал тихо:

— Для некоторых целей в этом, как говорите, аттракционе есть смысл... Скажем, отбирать самых отчаянных, готовых на риск... Но охрану поставлю. Только, сэр Ричард...

— Знаю, — ответил я так же тихо. — Маркус огромен.

— Вот-вот.

В Маркусе везде рассеянный желто-оранжевый свет, в какой-то мере привычный и даже радостный, потому какие-то группы, не в силах от радостного возбуждения заснуть, продолжили исследовать уголки Маркуса даже ночью.

Растер не утерпел, снова повторил свой показательный трюк с прыжком через кочку, но на этот раз там наверху пошел в открытый им проход и... пропал. Отыскивали его через несколько часов, он сумел спуститься по каким-то норам, что открывались, по его словам, затем схлопывались следом, а он где шел, а где проползал, будто по кишкам гигантского червя. Несколько раз голоса проходили совсем рядом, услышал, о чем говорили Боудеррия и сэр Волсингейн, но рыцарская скромность не позволит повторить интересные подробности...

— Сэр Растер, — прервал Норберт, — дорогу вы не запомнили?

— Дороги не было, — отрезал Растер. — Меня вела воля Господа, стены передо мной развер... разверзались!.. Разверза... лись, во! Не целиком, я ж не святой, но рыцарь должен быть скромным и блюсти достоинство. Если не на коне с поднятым знаменем, можно и в щель, не роняя чести, как в условиях боевых действий.

— Щели появлялись перед вами? — спросил я.

— Не совсем, — ответил он степенно. — Иногда сбоку, но я понимаю, Господь подсказывает нам путь, но не обещает, что будет прямым и ровным. Человек по Его воле рожден для трудностей и воинских подвигов!

— Спасибо, сэр Растер, — сказал я, — но не забывайте, вы — наставник молодых рыцарей, а так вы лишили их на несколько часов своего наставничества!

— Без рыцарских доблестей, — сказал Альбрехт сурово, — это просто люди с оружием. Хоть и благородного происхождения. Стыдитесь, сэр Растер!

Растеру, судя по его виду, в самом деле стало стыдно, выпрямился, тяжелый, как гора из металла, прогудел с неловкостью:

— Вы правы, сэр Альбрехт. Я пренебрег главным, что должен делать рыцарь с моим опытом и знанием жизни. Пойду навестить!

Он удалился, громыхая металлом. Альбрехт некоторое время настороженно вслушивался в новые странные и пугающие звуки.

Я сказал успокаивающе:

— Конники Норберта вернулись, идут по трапу. Орут, выказывают чересчур громко неустрашимость, дескать, им не страшен серый волк... Это эхо искажает их отважные вопли.

Он вздохнул.

— Значит, пугает. Как и меня.

— И вас? — спросил я. — Вы же настолько неустрашимы, что даже не знаю.

Он вздохнул.

— А кого не пугает? Даже вас, сэр Ричард, я вижу, но вы умеете держаться, как надлежит доблестному рыцарю без страха и упрека.

— Не присматривайтесь, — сказал я нервно. — Я должен быть весьма!

— Ладно, — ответил он, — пойду приму продукты. А самих фуражиров отправлю с

вашего разрешения в Штайнфурт и Воссу. Вы в самом деле знали, что будете грабить эти города, когда отправили все население в лес поглубже?

Я сказал сердито:

— Сами знаете, зачем всех пришлось изгнать подальше в лес! Филигоны сразу бросились бы в эти города, набрали бы пленных и поднялись в стратосферу... ну, выше облаков, откуда сразу и перепахали бы здесь горы и леса!

— Да? — переспросил он с сомнением. — А то мне иногда кажется...

— Герцог, — сказал я с укором.

— Да так, — ответил он, — иногда кажется. А что плохого в том, чтобы видеть дальше других?.. Ладно, сэр Бриан, бери отряд, пойдем набирать продукты!

Он с сэром Кенговейном и группой его вассалов удалились, а я, напрягая мозг, начал старательно передавать Маркусу свое видение мира. Дескать, он за длительное время, очень длительное, усваивая много новой информации, чуточку начал забывать старые правила и особенности интерфейса «мозг — машина». Ему нужно сейчас очень осторожно нащупать мой болевой порог, чтобы команды проходили легче, не вызывая у меня разрыва сосудов и гематом в коре головного мозга...

Сейчас с моей стороны команд никаких, только тюнинг интерфейса, это обоим на пользу, без работы и нагрузок любой механизм, даже самый совершенный, накапливает баги, те тормозят работу и в конце концов все обрушат...

— А я буду заботиться о тебе, — пообещал я. — А теперь постарайся увидеть... Сейчас представлю очень ярко и отчетливо, какими должны быть помещения... Это не команда, ты реагируешь для меня болезненно, просто мое видение...

Наверняка эти чудовищные пещеры, в которых нам всем вообще-то очень даже не по себе, сформировались под воздействием коллективного сознания филигонов, но так как я и есть настоящий наследник древних конструкторов Маркуса, то мое видение приоритетно.

Можно, конечно, предположить, что Маркус, хоть и существо, но созданное то ли самим хаосом, то ли высшим и непонятным разумом, но для меня даже предположить, что где-то во вселенной у кого-то разум выше, чем у меня, просто оскорбительно.

Потому либо Маркус создан непонятным разумом всей галактики, либо все-таки древних людей, что намного вероятнее. Эти древние подошли к самой сингулярности, но что-то у них бабахнуло почти на пороге.

В мозгу смутно проступили некие хаотичные отрывки, исчезли, на их место выползли, как из тумана, другие, трансформировались, я изо всех сил пытался понять, наконец, решив, что ухватил что-то, подошел к стене и уперся в самый большой выступ ладонями.

Нажал, одновременно всеми фибрами приказывал втянуться, стена должна быть ровной и обязательно вертикальной, под углом в девяносто градусов... ладно, просто ровной, вот так... еще малость...

Альбрехт с разведчиками вернулся, когда я ползал по полу и руками вминал все выступы, выравнивая поверхность, я же перфекционист в душе, а для реального мира у меня есть подчиненные.

Разведчики с мешками на плечах остановились у порога, не смея потревожить императора с его причудливым хобби, только Альбрехт понял и сказал с великим облегчением:

— А других нельзя обучить?

— Вряд ли, — ответил я, пыхтя от усилий, — этот гад слушается только меня... Да и то

не всегда, не так и не в том месте... Ничего, сейчас попробую с цветом, а то будто гной по стенам...

Он сказал быстро:

— А я отправлю ребят наружу, пусть смастерят стол и хотя бы пару лавок. Или можно доставить из Штайнфурта или Воссу что угодно.

Я подумал, махнул рукой.

— Да хоть откуда, оба рядом. Боюсь, нам придется здесь обжиться.

— Передвигаться, — сказал он, избегая страшного слова «лететь», — будем долго?

— Не думаю, — ответил я без уверенности, — однако... здесь оборудуем наш командный пункт. Вообще, Маркус — самая несокрушимая цитадель, куда вы притащите все награбленные ценности!

— А-а-а, — сказал он с облегчением. — Значит, грабить будем?

— Нет, — отрезал я. — Ни в коем случае!.. За редкими исключениями, которых может быть много, но это важнейшее дело жизни решим на месте. Мы не орда, а рыцари церкви, у нас должны быть рамки, уставы и правила.

Альбрехт отдавал приказы разведчикам, а я поинтересовался:

— Орлы, почему не на конях?..

Один сказал озадаченно:

— Вообще-то как-то не...

— Кони не суеверные, — напомнил я. — Им лишь бы волчьей шерстью не пахло. Кроме того, на Юге нам понадобится своя конница.

Он вздрогнул, ответил бледным голосом:

— Да, сэръ Ричард!.. Все как скажете.

Громада Маркуса грозно возвышается между городами-близнецами, Штайнфуртом и Воссу, я тогда нарочито расположил между ними маяк, чтобы филигоны клюнули на приманку в виде перенаселенных муравейников.

Сейчас же купол Маркуса виден на сотни миль вокруг, а все спрятавшиеся в лесах жители со страхом ждут, когда же эта Багровая Звезда Смерти уберется, так что разведчики быстро обшарили ближайšie дома, привезли несколько столов из ценных пород дерева и самые дорогие кресла, которые отыскиали.

Более того, по приказу Норберта перехватывали возвращающихся с добычей доблестных героев и сообщали им, что спать придется на полу, если не позаботятся о себе сами.

Так что вскоре к Маркусу потянулись обозы с кроватями, столами, лавками и креслами, а самые предусмотрительные пригнали стадо коров и привезли для них несколько стогов сена.

— Пусть, — успокоил я Альбрехта. — Коровы — это хорошо. Кто занят привычным делом, тому некогда бояться. Крупнорогатый кормить надо, доить, а то вымя лопнет... В общем, это хорошо, что нашли себе занятие.

— Но охрану надо усилить, — сказал он.

— А сэр Норберт?

— Его парни бдят, — согласился он. — Но знатные рыцари полагают, что простолюдины останавливать не имеют права.

— У нас нет простолюдинов, — напомнил я. — Все вступившие в битву с филигонами приняты в благородное сословие, помните?

Он поинтересовался с иронией:

— А те, кто с вами на Юг?

— Эти вообще, — сказал я в некотором затруднении. — Даже и не знаю. Очень благородные!.. Жаль, нет такого термина. Или есть?

— Нет, сэр Ричард.

— Надо ввести, — решил я. — Если есть города-герои, как вот теперь Штайнфурт и Воссу, хотя они об этом пока не знают, да я и сам только сейчас узнал, так что должны быть и люди-герои... О массовом героизме слышали?

— Не приходилось.

— Да ладно, вы были в самой середине бурлящего котла!.. И панцирь у вас... Кстати, насчет доспехов надо подумать...

Он сказал нервно:

— Сэр Ричард, вот не нравится мне, когда у вас такое выражение! Какую пакость задумали?

— В ближайшие сутки битв не предвидится, — ответил я. — Сэр Альбрехт, снимайте панцирь. Снимайте, снимайте!.. Вам без него бегать за бабами легче, а я раньше вас увижу оружейников. Отплачу вам добром за ваши инсинуации в мой адрес.

Он сказал досадливо:

— Потом, сэр Ричард. Не теряйте хватку, сюда идут все военачальники. Правда, вы снова показали власть над этой Звездой Зла...

— Это начало, — сообщил я скромно.

Единственное пока помещение в самом деле приняло божеский, как здесь говорят, вид, то есть пол и стены уже ровная горизонталь и вертикаль, пещера превратилась в квадратную комнату, если не считать потолка, оттуда все еще свисают неопрятные гроздья и торчат шипы, но лестницы у меня пока что нет.

Через искривленный туннель, его облагораживать времени не хватило, вошел сэр Гастон Келляве, серьезный и сосредоточенный, затем Норберт, Растер, Кенговейн, Горналь, Палант, вместе появились Сигизмунд и Тамплиер, в последнее время всегда плечо в плечо, позже всех вошел стесняющийся Макс, все такой же юный и никак не взрослеющий с виду, хотя умело командует всеми пешими войсками моей империи.

Кресел на всех не хватило, пятеро уместились на длинной широкой лавке, все смотрят внимательно и ожидающе.

— Мы готовимся к вторжению на Юг, — напомнил я. — Что нас ждет?.. У нас, с одной стороны, очень выгодная позиция, мы для них спасители от неминуемой гибели!.. Второе, хоть и понимают, что император Герман обязан был уйти в пещеры и захватить с собой элиту, чтобы с нею потом начать возрождение мира, но все же...

Альбрехт уточнил:

— Все же все мы люди. Обида останется.

— Я бы назвал это не обидой, — буркнул Норберт, — а чем-то покрепче.

Я постучал кончиками пальцев по столу, привлекая внимание.

— Потому нас должны бы встретить как спасителей. Однако...

Все молчали, еще не поняли, куда клоню, только Альбрехт проронил мрачно:

— Однако могут сказать спасибо, возьмите вон там на полке пирожок и уберите обратно за океан.

Сэр Растер вскипел, голос его прогрехотал, заполняя огромный зал до самых дальних уголков:

— Недопустимо! Какой пирожок? Мы спасли!

— Сказать могут, — проговорил я медленно, — потому что мы для них варвары... Да-да, если кто не знает, я на Юге бывал, у меня там даже свой маркизат... Они намного богаче и образованнее нас... Тихо-тихо! Я не говорю, что лучше нас. Напротив, мы лучше тем, что чище, честнее и нравственнее. Но это доказать непросто...

Сэр Растер со звоном и грохотом хлопнул по левому боку, где у него ножны исполинского меча размерами чуть ли не с дерево.

— Непросто?

— Хороший довод, — согласился я. — Но на Юге, если кто не знает, народу даже не в десять раз больше, чем в северных королевствах, а где-то раз в сто. Если не в тысячу. Воевать непросто... Да и не нужна нам никакая война.

Сэр Гастон спросил в ревнивом недоумении:

— Почему народу больше?

— Заранее знали, — пояснил я, — когда возгорится в небе Багровая Звезда. Копали глубокие пещеры, завозили запасы зерна и муки... Вода в подземных ручьях, так что как бы сверху не перекрыло выходы, могли долго пробиваться наверх, а когда выходили сразу семьей, то лет через сто создавали королевство! И вообще заселяли землю быстро. Потому мы должны быть на Юге, как сказал Христос, кроткими, как голуби, и мудрыми, как змии. То есть добрыми и снисходительными, но кто из местных вякнет что-то обидное... вон сэр Растер уже ухватился за рукоять меча!

В проеме появился Митчелл, отступил в сторону, в комнату вошли один за другим люди Норберта, в руках огромные подносы с запеченными гусями, олениной, жареной лесной птицей, а следом вкатили бочонок с вином.

Митчелл объявил:

— Сэр Растер сообщил, у вас совещание. Надеюсь, я успел?

Я сказал с досадой:

— Да, любое совещание теперь заканчивается всегда в стиле сэра Растера. Все равно за чавканьем никто не услышит мои мудрые речи. На стол, все на стол!

Митчелл самолично подкатил бочонок поближе, умело выбил пробку, к нему тут же потянулись руки с кубками.

Оголодавшие после битвы, а потом еще за ночь мужчины насыщались торопливо, я впервые за долгое время перевел дух, но сразу же вспомнил, что обшарить удалось только условно первый этаж, насчет перестраивания своих внутренностей Маркус не откликается. То ли не понимает, то ли у меня нет на это полномочий, дескать, простой юзер, а в биос может заглядывать только админ.

Мне наполнили кубок, но едва приложил край к губам, как в проеме появился растрепанный разведчик из команды Норберта.

— Сэр Ричард, — прокричал он, минуя в нарушение всех правил обращение к своему лорду, — сэр Ричард!.. Там такое... такое...

Все затихли, сразу посуровели, мы в опаснейшем месте, знают, я спросил быстро:

— Что там?

— Вам нужно увидеть, — крикнул он. — Это... это в соседней пещере!.. Рядом, сэр Ричард!

Я поднялся, и со мной встали все. По дороге к соседней пещере к нашей группе неувовимо быстро присоединились Боудеррия и барон Волсингейн, теперь уже барон, а дорогу взялся указывать Чекард, ближайший помощник Норберта.

Они протиснулись через узкую щель, а когда я продвинулся следом, в пещере полыхал адский огонь, в лицо пахнуло сухим жаром, зал от края и до края наполнило кипящим металлом.

Горит сам воздух, раскаленные клубы плазменного газа создают над кипящей поверхностью причудливые фигуры. Из красного ада медленно поднимаются блестящие спины, словно подводные лодки, некие образования, переворачиваются кверху брюхом и снова погружаются в огненные бездны.

— Сэр Ричард?

Я стряхнул оцепенение, обернулся, у всех лица бледные и вытянувшиеся, в глазах ужас.

— И что?.. — спросил я в нетерпении. — Подумаешь... Вы коней кормите?.. Ну вот, Маркус тоже питается. Но безотходно, что весьма лепно. Представляете, какую бы кучу навалил?.. А так все в топку, все в топку. Заодно и греется... Ладно, посмотрели и хватит! У нас столько работы, столько работы, а вам бы только хлебалами пощелкать на интересности...

Все еще бледные, но все же чуточку успокоенные, все-таки император говорит, а он дело знает, даже если и не знает. В армии уверенный тон и командный голос важнее смысла.

Когда протиснулись обратно, я велел одному на вид достаточно смышленому:

— Встань здесь и никого туда не пускай. У нас дураков много. Кто-то, бахвалясь отвагой, подойдет слишком близко.

Он ответил быстро:

— Да я такого сам прибью!

Когда возвращались к моей комнате, что моими усилиями похожа на комнату, я спросил Альбрехта тихонько:

— Так и было?.. Или недавно?

Он подумал, ответил с нерешительностью в голосе:

— Вообще-то это близко к этой пещере... Должны бы заметить раньше. Страшно подумать, а вы, признайтесь, подумали, что такое может появиться в любом месте?

— Вот-вот, — сказал я. — Ладно, допивайте вино, сколько его там в бочонке, затем встречайте и размещайте прибывающих.

Он сказал строго, словно старший младшему:

— Сэр Ричард... даже и не думайте.

— Да ладно, — ответил я вяло, — я должен хоть чуточку разобраться, что это за штука. А то вдруг передумает и нас сожрет.

Он поспешно сплюнул через левое плечо, отступил и, вместо того чтобы вернуться со всеми в комнату и продолжить пир, пошел через кривой туннель в сторону трапа.

Вообще-то, мелькнула мысль, в Маркус можно загружаться, видимо, с любой стороны. Вряд ли это я так удачно тогда встал. Или Маркус, поднимаясь из котлована, уже понимал, что придется подавать мне трап.

Если так, то лучше вход сделать подальше от этого кипящего бассейна с расплавленным металлом. Если, конечно, получится.

Альбрехт дважды лично выезжал встречать возвращающиеся с богатой добычей отряды. Я морщился, но помалкивал. В конце концов уцелевшие горожане вернутся в неразрушенные дома живыми и невредимыми, это самое главное. А что спасители унесли за время их отсутствия продукты и кое-какие ценные безделушки, что ж, плата за спасение от гибели не такая уж и чрезмерная.

Впрочем, это же будет оправданием для наших, когда прибудем на Юг, так что надо как-то ограничить уже здесь, чтоб не наглели, не зарывались. Спасли — спасли, но всю жизнь в жопу их целовать за это как-то слишком. Раз-два поцеловали — и хватит.

В конце дня Альбрехт вошел ко мне вместе с Норбертом, не просто довольный, а сияющий.

— Сэр Ричард, — сказал он, и я уловил в обычно бесстрастном голосе нотку глубокого уважения, — удивительно!

— Что?

— Вернулись все, — объяснил он, — кто участвовал в битве. Или, как вы всегда говорите, в спасении мира и какой-то там цивилизации!

— Да ладно, — ответил я вяло, — не всегда же я так говорю.

— Правда?

Я пояснил:

— Это за меня иногда говорит вдолбленное в детстве. Я же умные книги читал!.. Где они?

— Пока в лесу. Им объясняют, что придется войти в эту ужасающую всех Багровую Звезду Смерти, что хоть еще и Багровая, но уже не смерть, а если и смерть, то для других...

Норберт прервал:

— Мои люди говорят, своими жизнями обязаны вам. Потому пойдут за вами хоть в эту звезду, хоть в ад!

— Ад мы уже разнесли, — напомнил я, — но я рад их решению, пусть и не совсем умному. Все-таки добыча ожидается такая, какую и представить не могли. Как кони приняли Маркус?

Альбрехт ответил сдержанно:

— У них больше отваги, чем у хозяев. Сперва волновались, но когда им насыпали отборного овса, успокоились.

— Но хозяев еще трясет, — уточнил Митчелл.

Я вздохнул.

— Кони видят только то, что видят, а мы еще и додумываем всякие всякости, не к ночи будь сказано.

— Стать бы конем на то время, — сказал Альбрехт, морщась, — пока будем добираться до Юга... Одно дело сражаться на родной земле, это привычное, а сейчас всякий, как только подумает, что эта штука поднимется... да что там поднимется!.. всех поднимет!.. А мы не птицы... обязательно грохнемся. Да еще с такой высоты... даже подумать боюсь. А пол в пещере, через которую заводили коней, настолько стеклянный, что будто и нет вовсе. У меня до сих пор в животе вот такая льдина...

Я махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания. На самом деле у Маркуса пол достаточно твердый. Очень даже.

— Сэр Ричард?

— Намного тверже, — пояснил я, — чем горный хрусталь. Хотя такой же прозрачный.

Он пробормотал:

— Да уж... как-то совсем прозрачный. Я бы не против, чтобы его хотя бы птички закакали.

— Недавно прошли дожди, — пояснил я. — Все вымыто, блестит! Правда, сверху.

— Да, — сказал он упавшим голосом, — аж глаза режет. Когда выступаем?

— Проведем брифинг, — сказал я, — рисуем задачи, чтобы каждый заранее знал, что нам делать, и... в путь! Каждый рыцарь, как говорил один древний полководец, должен знать свой маневр.

Альбрехт подчеркнуто радостно потер ладони одна о другую.

— Доблестный сэра Растер сказал бы, что по этому поводу нужен пир!

Я буркнул:

— Сэра Растера начинаете цитировать чаще, чем Библию?

— Тогда хотя бы выпить, — сказал Норберт. — Это тоже сказал бы образец для молодых рыцарей, сэра Растер. Фуражиры принесли и вино, а как жить, когда оно есть, но не выпито?

— В самом деле, — поддержал Альбрехт, — вино как-то отвлекает. Нужно его целиком, чтобы не мешало думать и мыслить.

— Целиком не получится, — предостерег Норберт. — Взяли с запасом на пару недель.

Я вскинул обе руки кверху.

— Хорошо-хорошо, сдаюсь. Вам в самом деле нужно сбросить с плеч... пережитое. Но слишком расслабляться не дам, впереди новые битвы, хоть и не битвы. В общем, тащите вино и еду, а потом сразу из-за стола в бой!

Альбрехт помахал рукой промелькнувшему вдаль Паланту.

— Эй, мальчик!.. Бегом сюда!.. Распорядись насчет вина в духе сэра Растера. А еще предупреди новеньких, чтобы не любопытствовали по... помещениям.

Палант взглянул с обидой, но послушно умчался, Альбрехт повернулся ко мне, я увидел в его глазах невысказанный вопрос, отошел с ним и Норбертом в сторону, там Альбрехт спросил шепотом:

— А почему отца Дитриха нет на Маркусе?

Норберт тоже взглянул с вопросом в глазах, но смолчал, я ответил уклончиво:

— У него дела поважнее здесь. Да и у всего его конклава.

— В самом деле? — спросил Альбрехт.

Норберт снова промолчал, я сказал, уже почти сердясь:

— Граф, священникам вообще нельзя на Юг! Нам еще религиозной войны недостает!

— А возникла бы?

Я сказал с тоской:

— Еще не знают, что коммунизм, в смысле Царство Божье, за пятилетку не построить, а я вот знаю. Да, было мне такое видение! Да какую пятилетку, романтичные священники захотят все сделать за неделю с помощью своего церковного ЧК!..

Норберт уточнил бесстрастно:

— Инквизиции?

— Ну да, — подтвердил я, — а представляете, весь южный материк в кострах? Потому даже насчет Сигизмунда и Тамплиера, хоть и скованных воинской дисциплиной, беспокоюсь...

Он сказал с ехидцей:

— Неужто Господь Бог в самом деле выше вас? И как вы это терпите?

Он смотрел, не перекрещусь ли при упоминании имени Господа, это же обязательно, но я не среагировал, зачем мне эти показушные жесты, их еще великий пророк Иисус Христос высмеивал.

— Все мы ему служим, — ответил я сдержанно, — каждый в меру своих сил. Сигизмунд

и Тамплиер очень уж ревностны... Первый ввиду детскости, второй... гм... ввиду чистоты души и разума.

Он сказал то ли с иронией, то ли с завистью:

— Смотрю на эти две чистые души и понимаю, какая я сволочь! Но потом смотрю на вас и вижу: без доли сволочизма наш мир не выживет.

— Вот-вот, — сказал я, пропуская мимо ушей свинотство. — А раз видим реалии, то сумеем построить Царство Божье на земле. А с одними праведниками остались бы среди пожарищ и трупов!

Народ все прибывает, самых пугливых убедили, что в Багровой Звезде Зла уже празднуют и орут песни, все живы, сыты и пьяны. Пьянствовать я в самом деле не препятствовал, им не так страшно, хотя пьяные плохо слушаются приказов и то и дело лезут в туннели посмотреть, правда ли, что там несметные сокровища и сундуки с золотыми монетами.

Норберт, исхудавший за последние два дня после битвы с филигонами, подошел с суровым лицом, покосился по сторонам.

— Сэр Ричард... Уже шестеро погибли. Одного стена проглотила, но выплюнула остатки доспехов, двое утонули без следа, хотя пол был твердым и остальные прошли свободно... Еще один попробовал пролезть на этаж выше, а там его схарчило...

— Шестеро? — спросил я. — Альбрехт вроде бы упоминал про два десятка.

Он отмахнулся.

— Те сами полезли за сокровищами, дурость выказывая, а это мои, которым я велел поискать рядом места для ночевки. Я и виноват, получается.

— Граф, — сказал я. — Здесь опаснее, чем в незнакомом лесу!.. Вы в Зачарованные Места не суетесь? А Маркус весь зачарованное и опасное место!

Он сказал с твердостью:

— Сэр Ричард, в общем зале не помещаемся. Народ все прибывает!.. Уже на головах друг у друга сидят.

— Это недолго, — пообещал я, — сегодня же отправимся... Ладно-ладно, понял. Проверьте ближайшую к этой пещеру, но дальше ни-ни!.. Потерпите. Нам бы только добраться до южного материка.

— А сколько туда?

— Думаю, — ответил я, — за сутки сумеем. Как только последний поднимется в Маркус, сразу же отбываем!

Он пробормотал:

— Значит, будет еще страшнее. А что здесь за чудища?

— Надеюсь, — ответил я, — не сам Маркус, а всякое зверье, что приспособилось здесь жить и... чем-то питаться. Постепенно очистим.

Он посмотрел по сторонам.

— А где ваше клыкастое чудовище?

— Снова удрал, — ответил я с неудовольствием. — Послушно ходит рядом, пока на него смотришь, но стоит отвернуться...

— Щенок еще, — сказал он.

— Да сколько можно?

— Некоторые до конца жизни щенки, — ответил он. — Я даже людей таких знаю. Правда, стареют, но ума все равно, как у щенков... Найдется ваш Бобик!

— Место опасное, — сказал я.

Впереди послышались крики, звон металла. Кто-то заорал истошным голосом: «К оружию!»

Я ринулся в ту сторону, Норберт отстал, на ходу выдергивая меч, следом прогремели подкованные сапоги моих телохранителей.

Воины с обнаженным оружием в руках образовали широкий круг, передо мной расступились. В центре Бобик с рычанием треплет нечто ужасное, вдвое крупнее его самого, но целиком покрытое костяными пластинами, с огромной головой на толстой шее и оскаленной пастью.

Зверь еще дергается, но чудовищные челюсти Адского Пса сжали ему горло с такой силой, что клыки, проломив защиту панциря, полностью утонули там, разрывая артерии, нервные узлы и ломая косточки.

Я с облегчением понял, что рык Бобика звучит победно, а добыча хрипит в агонии и судорожно скребет пол когтистыми лапами.

На меня оглянулись, один сказал отчаянным голосом:

— Эта тварь троих моментально в ключья!.. Еще двое ранены, но ваша собачка успела... какой у них бой был, какой бой!..

Что троих, мелькнула мысль, да хоть десять, только бы мою собаку не укусили, вдруг эта гадина ядовитая.

— Раненых к лекарю, — велел я. — По всяким пещерам зря не шастать!.. Мало ли у каких тварей там гнезда!

Разведчик сказал, защищаясь:

— А проходы?

— Проходы обезопасить, — ответил я нехотя. — Но в пещеры не лезть! Нам пока важнее установить коммуникации, а противнику их перерезать.

— А что за противник? — спросил он.

— Что-то филигонье, — ответил я. — Какая-нибудь любимая кошечка, оставшаяся без хозяина. Хомячок или белая мышка, кто их знает?

Бобик, оставив подышающую тварь, подбежал, сильно хромя, ко мне, крупно вздрагивает, нервно суетится, заглядывая в глаза, будто просит прощения.

Я с болью рассмотрел бока в кровавых ранах, левое ухо прокушено насквозь, из щеки выдран клочок мяса. Сердце больно сжалось, я крепко-крепко обнял горячее тугое тело, придавил к себе, будто стараюсь спрятать.

— Держись, лапушка... Ты же можешь хорошо заживляться... еще и от меня прими...

На пару мгновений ощутил холод в теле, но раны на боках Адского Пса на глазах начали затягиваться, а дыра в ухе сузилась и перестала просвечивать.

— Я тебя люблю...

Он ловко увернулся, не дав поцеловать себя в нос, вырвался и пошел вокруг нас веселыми прыжками.

Я с трудом заставил скованную судорогой грудь раздвинуться для хорошего вдоха. Был страх, что незнакомый зверь ядовит, а я с местными ядами бороться не обучен, только и того, что могу определить, если в еду или питье чего-то подмешали.

— Никаких путешествий по Маркусу! — приказал я. — А того, кто распространяет слухи, что здесь несметные богатства и горы золотых монет, прикажу повесить всем в назидание и в качестве наглядной агитации за дисциплину и порядок.

Один сказал виновато:

— Мы только из-за тесноты...

Я сказал резко:

— Как только последний взойдет на борт... в смысле, окажется с нами в чреве Маркуса, сразу же выступаем.

— Ваше величество?

— Я позабочусь, — пообещал я. — У меня же всегда получалось, пусть и не то, что хотел, забыли? Так что потерпите, вы на марше!.. Хоть и лежа.

Они молча смотрели нам с Норбертом вслед, кто-то в толпе начал возбужденно рассказывать, как зачищали проход, а оно ка-а-ак выпрыгнет, даже не увидели откуда...

Норберт скупно докладывал на ходу, сколько захвачено провизии, сколько на борту коней и корма, я кивал, а в голове стучала неотвязная мысль, что хотя интерфейс «мозг — Маркус» установлен четко, крепко, но связи только налаживаются, он старается понять мои желания, а я то мыслящий тростник, то петух без перьев и с плоскими ногтями, никак не могу отделить питекантропии, а то и вовсе кистеперьи чувства от чистого разума Гегеля.

Маркус работает как настраиваемый механизм, иногда вообще кажется живым существом, хотя и подзаряжается, как догадываюсь, прямо из пространства.

Каким-то образом он понял, что мне желается, и, едва поворачиваюсь к стене, тут же делает ту часть прозрачной. Обычно мне это абсолютно не надо, но даже неустрашимый сэр Растер крестится и поспешно отступает, словно оказывается на краю бездны, но я все равно рад, потому что одно дело установить интерфейс, другое — научиться с ним работать.

Еще он уловил мое облегчение и радость, когда фуражиры притащили стол и кресла, потом пол долго вздрагивал, наконец из него выдвинулось еще с дюжину точно таких же, вплоть до царапин на обивке.

Альбрехт увидел в этом колдовство, но Маркус, как я понимаю, то ли частично, то ли весь из наноассемблеров, способных принимать любую форму, в том числе и оружие, уничтожающее не только любую материю, но и само пространство. Или не из наноассемблеров, просто это самое-самое, что я знаю. Но после наноассемблеров может быть что-то и покруче, есть еще пико— и всякие там фемто— и аттоассемблеры.

Даже самые доблестные и отважные рыцари, несмотря на оглушительную победу, в Маркус вошли бледные и с вымученными улыбками. Разве что сэр Растер и Митчелл, не отягощенные излишней интеллигентностью, чувствовали себя, как в захваченном замке не то дракона, не то исполинских огров и у всех деловито спрашивали, сколько бочонков вина с собой взяли.

Я ощутил чье-то присутствие рядом, но никого не увидел, хотя любого незримника засекаю со ста шагов, сказал шепотом:

— Карл-Антон?

Из пустоты рядом ответил совсем тихий голос:

— А вы становитесь все сильнее, мой молодой друг и повелитель.

— Спасибо, — ответил я. — Как вы... теперь?

— Уже присмотрел комнату, — ответил он. — В Маркусе. Предупредите всех, пусть в верхние пещеры не поднимаются, там никто не уцелеет...

— Скажу, — ответил я. — А вы...

— Отправлюсь с вами на Юг, — ответил он. — Глаза мозолить не буду, все-таки крестonosцы, истребители магов... А Юг — моя мечта, сэр Ричард. Все маги Севера мечтают попасть на Юг и насладиться хотя бы созерцанием их чудес.

Я сказал с неловкостью:

— Мне страшно стыдно, что не могу ничего сделать для вас, внесшего такой весомый вклад в победу!

Он сказал успокаивающе:

— Все со временем наладится. Люди свыкнутся. Все будет хорошо...

Голос его затих, я понял, маг отошел в сторону, мне бы так бесшумно двигаться.

Альбрехт и Норберт наблюдали за погрузкой лично, вместе и явились ко мне, серьезные и строгие.

— Ваше величество, — сказал Норберт, и Альбрехт кивнул, подтверждая, что да, в данном случае ваше величество, а не сэр Ричард. — Ваше величество... если вы еще не передумали...

— Все погрузились? — перебил я.

— Последних коней только что провели в это... это вот. Ту пещеру, которую вы изволили определить под конюшни. Ни один из коней вроде бы еще не рехнулся. Но овса им пришлось насыпать в торбы по полной.

Сердце тревожно стукнуло, я поднялся из-за стола и сказал с чувством:

— А момент особый ощутили?.. Исторический... хотя они у нас все исторические... Маркус, закрыть все входы-выходы! Полная герметизация от внешних... вообще от всего.

Альбрехт и Норберт заметно побледнели, я сам чувствую, что в их глазах я чуть ли не сам дьявол, кому начинает подчиняться эта вот Звезда Зла и Разрушения.

— Во имя Господа, — сказал я величественно и важно, — велю тебе подняться над поверхностью планеты... выше слоя облаков... как кучевых, так и перистых...

Задержал дыхание и сжал челюсти в ожидании приступа боли, Альбрехт посмотрел на меня с беспокойством, я сам чувствовал, как раскаленное шило вонзилось в мозг, тут же рука Альбрехта подхватила меня под локоть.

— Сэр Ричард, вы переутомились...

— Еще как, — прошептал я, боль медленно отступала, я договорил: — но сперва доведем дело до конца... и отоспимся...

Пол чуть дрогнул, или это почудилось, больше ничего не произошло, однако в прозрачную часть стены ярко и страшно заглянула чернота с редкими точками звезд.

— Ого, — сказал я, — видите, что значит Имя Господа?..

Норберт первым заметил, куда я вперил взгляд, развернулся в ту сторону и крупно вздрогнул.

— Это что же... ночь?..

— Посмотрите вниз, — посоветовал я. — Маркус, сделай во имя Девы Марии часть стены вот тут... ага, точно, прозрачной... Иллюминатор, то есть окно, прочное, но прозрачное...

Норберт, а за ним и бледный как смерть Альбрехт долго смотрели на далекую зелень внизу, изредка прорезаемую тонкими ниточками рек. Время от времени всю страшную красоту закрывают наползающие облака, но ветер сгоняет их дальше, и снова зелень, похожая на бескрайнее болото.

— Вот так видят землю, — объяснил я, — самые мощнокрылые драконы.

— И орлы? — спросил Альбрехт нетвердым голосом.

— Увы, — ответил я, — орлам сюда не подняться. Вообще-то и драконы не должны, но если магия, то умолкаю.

Норберт прислушался, спросил быстро:

— В большом зале тоже видят этот ужас?

— Ни в коем случае, — заверил я. — Стены непроницаемы. А еще экранируют, как я понял, гравитацию. Иначе бы нас размазало по полу... Как-нибудь потом, сейчас не спрашивайте! В общем, при таких скоростях... Впрочем, а чего я ожидал?.. Не страшитесь, смотрите вниз, дам по листку бумаги, будете картографить...

Альбрехт молча смотрел, как я, сосредоточившись, вынимал из воздуха белые шуршащие листки. Я сам чувствовал, что мне легче создавать кофе, хотя он куда сложнее по составу, чем бумага, однако при высоком уровне технологии уже не видно потребителю, прост или сложен тот или иной продукт, которым пользуется.

— Вот, — сказал я. — Смотрите и рисуйте. Армией в трюмах займутся младшие командиры, а вы — орлы, стратеги! Должны смотреть сверху, как вот сейчас.

Альбрехт проговорил бледно:

— Внизу пока только зелень, будто смотрю на лицо сэра Норберта.

— На себя взгляните, сэр, — отрезал Норберт.

— Это точка отсчета, — предупредил я. — Маркус, дай ускорение в сторону южного материка... Это вон туды...

Я закрыл глаза, сосредотачиваясь на представлении вида планеты сверху. В виски больно кольнуло.

— Ну ты чего, — бормотнул я, — я же свой...

Норберт спросил с тревогой:

— Брыкается?

— Привыкаем, — ответил я. — Как обычно... Он должен привыкнуть к моему голосу, моим требованиям, а я... как к любому норовистому коню, чтобы потом как-то сжились.

Альбрехт сказал со вздохом:

— Боюсь и представить, что будет, когда сживетесь.

Зеленое море исчезло, далеко внизу заскользило нечто голубоватое с серым, я не сразу сообразил, что это уже океан, сказал торопливо:

— Остановись!..

Движение внизу моментально замерло, я запоздало подумал, какое же это счастье, когда у Маркуса есть «защита от дурака». Вздумай выполнить мою команду в таком виде, в каком услышал, меня и всех расплющило бы о стену при такой резкой остановке.

Или же в нем некая сложная защита, благодаря чему абсолютно не ощущается инерция. Может ускориться с места, может остановиться на полной скорости, все это дико даже для меня, однако вопросы высоких скоростей приходится развитым цивилизациям решать в числе первых, иначе межзвездные перемещения вообще под вопросом.

Потому да, эту обыденность надо поскорее научиться принимать как должное и само собой разумеющееся.

Альбрехт чуть наклонился вперед, всматриваясь в широкий иллюминатор.

— Сэр Ричард?

Я сказал с досадой:

— Да-да, мы уже перемахнули океан!.. Это берег южного материка!.. Как жаль...

Норберт спросил быстро:

— Что случилось?

— Нанести бы на карту острова, — пояснил я. — Их должно быть сотни, если не тысячи между нашими континентами... Там расположим военные базы, военно-транспортные, военно-промышленные, а также военно-ремонтные...

Норберт спросил в недоумении:

— А почему так много?

— У нашего величества размах, — ответил Альбрехт язвительно. — Оно и само не понимает зачем, но у него интуиция, как у загребущего хомяка.

— Интуиция, — уточнил Норберт, — это вроде видений? Странно, что ангелы вас все еще посещают.

— Ладно-ладно, — ответил я сварливо, — рисуйте хотя бы береговую линию.

Они переглянулись, Альберт пробормотал:

— Вы хоть бы для вида удивились, ваше величество. Или в вашем родном королевстве такие перемещения, как два пальца о дерево?

— Рисуйте, — напомнил я, — пока облака не скрыли. Мир ревниво прячет от нас свои тайны!

— Вырвем вместе с челюстью, — ответил Альбрехт и добавил: — Как говорит наш сэр Ричард, знаете такого?

— Он много чего говорит, — сказал я. — Вы это... сортируйте, сортируйте сказанное!

Альбрехт проговорил со странным выражением:

— Если это уже берег южного материка... то что за океан мы перемахнули?.. Или он меньше лужи?

— Поплаваете, — ответил я, — узнаете. У нас будет флот, на островах разместим, как уже сказал, опорно-заправочные предприятия. Океан будет нашим!.. Сэр Ричард, правь морями!

Норберт напомнил:

— Но пока он во власти чудовищ.

— Очистим, — пообещал я. — Нет чудовищ чудовищнее человека!.. Но океан потом-потом. А сейчас под нами материк, на котором империя Генриха Третьего...

Альберт произнес еще в большем замешательстве:

— Сэр Ричард?

— Ладно-ладно, — сказал я, — может быть, это и не его империя. Тут их восемь, а еще уйма независимых королевств, герцогств, даже графств, не считая земель с неопределенным статусом.

— Ох...

— Мелочь нас не интересует, — сообщил я великодушно. — Меня император Герман Третий вызвал весьма так... настойчиво. Если не явлюсь, придет сам и выпорет. Или пришлет слуг.

Норберт вытянул шею, всматриваясь в белую от пены прибоя линию берега.

— А как... сядем? — спросил он с тревогой.

— Надеюсь, мягко, — ответил я. — Во всяком случае я так изволю велеть и строго хмурить брови.

— А что... Маркус вас боится?

— Слушается, — ответил я уклончиво. — В общем.

— Молодой, видать, — сказал он с облегчением. — Пока молодой, можно приучить выполнять команды.

— Уже выполняет, — заверил я. — Как демон какой.

В самом деле, мелькнула мысль, а вдруг демоны и есть компьютерные системы высшего уровня, в которые заложены команды беспрекословного подчинения? За тысячи лет войн и катастроф управление потеряно, системы живут сами по себе, а маги старательно отыскивают путем слепого перебора возможности управления. Бред, конечно, но человек все старается объяснить.

Альбрехт наклонился, всматриваясь в проплывающую далеко внизу изрезанную линию

берега.

— Жаль, высокогато... Вон там вроде бы город...

— Маркус, — велел я и достаточно ярко представил, что мы снижаемся на уровень, чтобы можно было рассмотреть отдельные дома. Авиарейсами пару раз пользовался, так что помню, как выглядит вид с высоты. — Маркус, слушай внимательно... Снижаемся до высоты в десять миль... нет, лучше в пять...

Альбрехт застыл, всматриваясь, Норберт через мгновение с шумом выдохнул:

— Фу-у-у... в самом деле получилось! Сэр Альбрехт, скорее рисуйте.

— Сами рисуйте. У меня руки трясутся.

— У вас рука гибче, — сказал Норберт. — Как же здорово, что сэр Ричард сумел приручить такого жеребца!.. Это же победа, полная победа. Целую армию можно куда угодно...

— Рисуйте, — сказал я величественно и со скачущим от счастья сердцем вернулся в свою комнатку.

Там у меня стол, притащенный из Штайнфурта, и полдюжины кресел, настолько разномастных, словно их собирали по одному из каждого богатого дома.

Маркус, как мне показалось еще при первом знакомстве, нечто вроде Оружия Судного Дня. Проигрывающий войну противник запускает этот комплекс, который можно назвать «Мертвая Рука», это когда после гибели всех защитников включается автоматическая система ответного уничтожения.

При таких условиях война обычно не начинается, но, возможно, когда-то в древности ошибочно решили, что «Мертвая Рука» блеф? Или от нее якобы нашли защиту?

Во всяком случае Маркус прибыл с дальней базы и уничтожил все на континенте врага, а затем то же самое сделал с континентом, где раньше располагались его конструкторы. Это на случай, если часть победителей уже перебралась на эту сторону планеты.

То же самое сделал и с островами в океане. После выполнения программы, когда победителей не осталось, лег на обратный курс. Но так как в программе заложено, что подземные заводы, прокопавшиеся чуть ли не к ядру планеты, продолжают работу, то нужно периодически возвращаться и снова все уничтожать.

А филигоны просто воспользовались транспортным средством. Как крысы на корабле.

— Маркус, — сказал я громко и четко, — давай повторим сказанное. Я человек, наследник тех, кто тебя создал. Ты многое перестроил в себе, выполняя указания этих... существ, что стали твоими хозяевами, но сейчас приказываю вернуть все в прежний вид... Хотя нет, каким он был, не знаю, просто расшарь и расширь канал «мозг — компьютер», ты увидишь, какими я представляю себе помещения, склады, ангары и кабинеты. Это не просто мое указание, это правильное указание!

[Купить полную версию книги](#)